ПРИНЦЕССА АДА

TRUE CRIME TRUE CRIME TRUE CRI

ИСТОРИЯ ЛЕДИ СИНЕЙ БОРОДЫ

ГАРОЛЬД ШЕХТЕР

Гарольд Шехтер
Принцесса ада
Серия «True Crime (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34387663
Принцесса ада / Гарольд Шехтер ; [перевод с английского Е. Рубиной].:
АСТ; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-117641-9

Аннотация

С 1902 по 1908 год в различных штатах США бесследно исчезали мужчины: состоятельные холостяки, простые рабочие…

А в 1908 году их тела были найдены на ферме благоприличной вдовы Белль Ганнесс – в выгребной яме, разрубленными на части…

Кем же была она – самая жестокая женщина-убийца в истории США? Какая судьба постигла в действительности ее детей, официально считавшихся погибшими при пожаре? Как удалось ей расправиться более чем с двумя десятками сильных и крепких мужчин? И зачем она убивала – только ли с целью наживы?

В этой книге Гарольд Шехтер раскрывает тайны одной из самых зловещих фигур в пантеоне серийных убийц, день за днем и час за часом восстанавливая хронологию событий на «ферме смерти»…

Содержание

Пролог 6
Часть 1 15
Глава 1 15
Глава 2 24
Глава 3 39
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Гарольд Шехтер
Принцесса ада

Кристофу Келлеру

Белль Ганнесс, дама хоть куда,
На ферме проживала.
За центнер весила – да-да,
Что, в общем-то, немало.
Любого мужика сильней,
Не прячась от соседей,
Рубила запросто свиней
Ла-портовская леди.
Побочным промысел был тот.
Раскрыт секрет один:
Любила дамочка – вот-вот —
Разделывать мужчин.

Анонимный автор. Баллада о Белль Ганнесс

Серия «True crime»
Harold Schechter
HELL'S PRINCESS

Перевод с английского *Е. Рубиной*

Печатается с разрешения литературных агентств Stuart Krichevsky Literary Agency, Inc., и Andrew Nurnberg.

© Harold Schechter, 2018
© Перевод. Е. Рубина, 2019
© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Пролог
У запретной двери синей бороды

Каждый ребенок знает, что мир сказок – ужасная страна, населенная пугающими чудищами: тут и кривозубая ведьма, что жаждет отведать пухленьких ребятишек, и кровожадный великан, готовый зажарить на вертеле любого прохожего, и сладкоречивый волк, любитель полакомиться маленькими девочками. Но из всех страшных сказок ни одна не напоминает столь сильно современные фильмы ужасов, как «Синяя Борода».

Хотя ученые обнаружили по всему миру множество вариаций этой сказки, в нашей культуре наиболее известна та, которую в 1697 году опубликовал французский автор Шарль Перро в своих уже ставших классикой «Сказках матушки Гусыни». По-видимому, прототипом Синей Бороды для Перро послужил печально известный садист пятнадцатого столетия – Жиль де Ре, маршал в ополчении Жанны д'Арк. Впоследствии его обвинили в истязаниях и убийствах нескольких десятков крестьянских детей. Синяя Борода из сказки Перро – это серийный убийца знатного происхождения. Он живет в мрачном замке, где в секретной комнате хранит разрубленные на части тела своих опасно любопытных невест. Каждую новую жену он испытывает на послуша-

ние, оставляя в одиночестве со связкой ключей и предупреждением ни в коем случае не входить в таинственную комнату. Но соблазн слишком велик, и, только муж за порог, женщина, забыв про наставления, дрожащей рукой отпирает запретную дверь. Или, как пишет Перро, «ouvrit en tremblant la porte»[1].

Незадолго до того как Перро написал свою душераздирающую сказку об ужасах, таящихся за дверью Синей Бороды, его соотечественник – известный путешественник Рене-Робер Кавелье де Ла Саль – предпринял экспедицию в район Великих озер. Проходя по земле современной Индианы, принадлежавшей тогда племени потаватоми, Ла Саль и его люди по старой индейской тропе пересекли густой лиственный лес и вышли на поросшую высокой травой равнину. Известному путешественнику и пришедшим вслед за ним торговцам пушниной этот выход из леса был известен как «дверь», по-французски – la porte[2]. Следующие полтора столетия в этих местах белые не селились. Один историк, живший в то время, писал: «На живописном Западе не было места прекраснее, чем эта область, но она целиком принадлежала краснокожим. Они носились по прериям, жили в рощах, полагались на удачную охоту и рыбу, что в изобилии водилась в этих сверкающих озерах»[3].

Только в 1829 году в тех краях появились первые белые

поселенцы – вдова Мириам Бенедикт с семью взрослыми детьми и зятем, Хенли Клайберном, а уже через три года там проживало больше сотни семей. В апреле 1832 года на этой территории в 462 квадратные мили был официально образован округ Ла-Порт. Во время голосования по названию один старый законодатель потребовал прояснить значение «иноземного наименования». Когда старику сказали, что по-французски оно означает «дверь», он возмутился и предложил заменить «высокопарное» иностранное слово на что-то более подходящее и американское. К счастью, по свидетельству одного хроникера, «его совету не последовали, и округ, вместо общеизвестных – Дорбург или Гейтсвилл, получил красивое имя «Ла-Порт»[4].

В поисках места для центра округа несколько предприимчивых поселенцев остановили свой выбор на земельном участке (450 акров), обрамленном «цепочкой маленьких озер, подобных сверкающим драгоценным камням»[5]. Там построили суд, тюрьму и открыли государственную земельную контору. Новый административный центр тоже получил название Ла-Порт. Из деревушки с деревянными домами он за несколько лет превратился в богатое поселение, где «есть все необходимое для жизни и общественного процветания»: церкви и школы, таверны и гостиницы, торговцы и механики, доктора и юристы. В городке выходило две газеты, одна поддерживала партию вигов, а вторая – демократическую[6].

В 1852 году население Ла-Порта достигло пяти тысяч человек, и статус города повысился. По свидетельствам очевидцев, в последующие десятилетия построили водозаборную станцию, установили уличное освещение, появилась телефонная связь. Занялись благоустройством города: замостили дороги, проложили тротуары, снесли старые деревянные строения, а на их месте возвели добротные кирпичные дома. Кроме нескольких больших аптек и промтоварных магазинов, в Ла-Порте было двадцать пять продовольственных лавок, шесть продуктовых складов, шесть продавцов мебели, четыре булочных, десять мясных лавок, а еще шесть обувных мастерских, двадцать шесть табачных лавок, четыре продавца швейных машин, девять модисток и портных, два книжных магазина, девять гостиниц; двадцать четыре питейных заведения, шесть бильярдных, шесть парикмахерских, семь конюшен, две кожевенные мастерские и три похоронные конторы[7]. Вдоль улиц росло множество деревьев, за что Ла-Порт прозвали «Кленовым городом». Все это вместе с «замечательным зданием суда, великолепной мэрией, окружающими просторами и прекрасным железнодорожным сообщением» делало его «подходящей столицей для одного из лучших округов страны»[8].

Но город славился не только современными удобствами. Жители Ла-Порта гордились достижениями своих знаменитых земляков. Среди них был Джейкоб Дж. Манн, который еще до появления молотилки Маккормика изобрел зер-

ноуборочную машину, и доктор Ф. Т. Ренч, придумавший складную зубную щетку, и создатель маслобойки на собачьей тяге – Антипас Дж. Боуэлл, и доктор С. Б. Коллинз, открывший «Безболезненное противоядие для курильщиков опиума». Нельзя не вспомнить местных поэтов Бенджамина Ф. Тэйлора и миссис Клару Дж. Армстронг – местных литераторов, авторов поэтических сочинений «Картины былого и другие стихотворения» и «Ла-Порт в июне», соответственно[9]. Позднее в городе работали еще более известные личности: Зерна Шарп, соавтор американского школьного учебника чтения под названием «Дик и Джейн», Фредерик Меннен, благодаря которому появился полуфабрикат для попкорна «Джиффи поп», а также запатентованный метод диагностики гонореи. Прославленный производитель ортопедической обуви Уильям Матиас Шолль, певица Дороти Клэр – солистка оркестров Гленна Миллера и Томми Дорси, исполнявшая в 1948 году главную роль в успешном бродвейском мюзикле «Радуга Финиана», – тоже были родом из Ла-Порта. Многим знакомо имя и творчество поэта Брюстера Мартина Хигли, стихотворение которого «Мой дом на Западе» было положено на музыку и стало известной американской песней «Home on the Range»[10].

Но даже самые пылкие почитатели Ла-Порта не могли не признать, что наряду со знаменитостями в городе водились и «свои» преступники. В начале 1836 года был убит и ограблен житель округа, некто Пелтон. Преступление совершил

его знакомый, Стейвз, который и похитил «изрядную сумму денег». Его задержали, судили и отправили на виселицу. Двумя годами позже, в феврале 1838-го, был застрелен и ограблен девятнадцатилетний уроженец Ла-Порта Джошуа М. Коплин. Незадолго до описываемых событий он вернулся из Виргинии, где получил старый долг. Убийцей, похитившим у Коплина шестьсот долларов в золотых и серебряных монетах, оказался его попутчик по имени Дэвид Скотт. Спустя несколько месяцев его тоже повесили под одобрительные крики толпы[11].

В декабре 1841-го хозяин таверны Чарльз Эгберт, «разозлившись» на Джеймса Смита, открывшего неподалеку свое заведение, «забиравшее всех клиентов мистера Эгберта себе», купил кинжал, явился в бар конкурента и зарезал его. Убийцу арестовали, но постановили выпустить под залог в пять тысяч долларов. Эгберт умудрился достать деньги для залога, а потом сбежал в Техас, тогда еще принадлежавший Мексике. Позже стало известно, что убийца Смита сменил веру и стал «главой группы прихожан в методистской общине»[12].

Но «самое громкое убийство» было совершено в 1862 году. После обнаружения трупа немецкого эмигранта Фреда Миллера подозрение пало на его жену. Друзья Миллера, желая «заставить ее сознаться», затянули на шее женщины привязанную к дереву веревку, и тогда миссис Миллер прохрипела, что мужа убил Джон Постон. Произошло это якобы

«в ее присутствии, и он обещал жениться, если она его не выдаст». Постона арестовали и бросили в тюрьму. Правда, так как обвинения против него получили под пыткой, судья «был вынужден его оправдать»[13].

Тремя годами позже еще один немецкий фермер, Джон Лом, возвращаясь вечером домой после обмолота кукурузы, столкнулся с двумя незнакомцами – Джеймсом Вудсом и Уильямом Фултоном. Оба неплохо провели время в местном салуне и были «в особенно опасном для их жертв состоянии, когда от виски кровь закипает в жилах». Пьяные затеяли с Ломом ссору, преградили дорогу его повозке, а когда тот попытался проехать, Вудс выхватил револьвер и смертельно ранил безоружного фермера. Обвиненный в убийстве с отягчающими обстоятельствами, Вудс получил «пожизненное заключение», а Фултона признали виновным в непредумышленном убийстве и приговорили к тринадцати годам тюрьмы[14].

В последние недели 1902 года жители округа были возмущены ужасным преступлением в городке Уэствилл. Жертвой оказался шестнадцатилетний Уэсли Рейнольдс, «надежный и честный конторский служащий» местного отделения государственного банка. Молодой человек также по совместительству исполнял обязанности охранника – «ночевал в конторе с тремя револьверами под рукой». Ранним воскресным утром, 30 ноября, он проснулся от шума: кто-то швырнул в окно банка пивной бочонок. Вскочив на ноги и зажав по ре-

вольверу в каждой руке, юноша встретил двух вооруженных до зубов грабителей. Рейнольдс открыл огонь, но в неравной борьбе сам получил три пули. Одна прошла через подбородок и застряла в основании мозга, другая, ранив юношу в шею, вышла насквозь между лопатками. Третья, попав прямо в сердце, привела к мгновенной смерти. Опустошив банк, головорезы – одного из них ранил «героический юноша», как называли его газеты по всей стране, – украли на ближайшем дворе двухместный экипаж и скрылись.

На похоронах Рейнольдса, состоявшихся 3 декабря, присутствовали все жители Уэствилла. Под патронажем сенатора Чарльза Е. Геррольда был организован сбор средств на сооружение памятника погибшему. За поимку убийц пообещали большую награду, за дело взялись детективы агентства Пинкертона, но, несмотря на все усилия, грабителей так и не нашли[15].

Через две недели после того, как убитому были отданы последние почести, газета «Форт-Уэйн дейли ньюс» сообщала о внезапной эпидемии преступлений, «захлестнувшей округ Ла-Порт». Кроме убийства Рейнольдса, в статье упоминалось ограбление «черными разбойниками» двух местных юношей, попытка отравления мышьяком одной жительницы Ла-Порта, а также гибель Альберта Бейдера, который, «спасаясь от ареста за проникновение» в чей-то плавучий дом на озере, попал под поезд.

Эта публикация заставила вспомнить о смерти местного фермера. Она произошла при столь ужасных обстоятельствах, что прибывшие на место городские власти заподозрили преступление, но потом случившееся признали несчастным случаем[16]. Прошло еще шесть лет, прежде чем подозрения властей удалось подтвердить. Предположительно случайная смерть норвежского эмигранта Питера Ганнесса была признана делом рук самого страшного убийцы в истории штата Индиана или, возможно, даже в истории всей страны. В поисках сравнений журналисты упоминали не только людоеда из сказки Шарля Перро, но и возможного прототипа Синей Бороды – Жиля де Ре [17]. Однако, в отличие от них, в данном случае речь шла о серийном убийце со Среднего Запада и, самое страшное, – о женщине. Как городок Фолл-Ривер в Массачусетсе или Плейнфилд в Висконсине, где жили известные преступники Лиззи Борден и Эд Гин, Ла-Порт превратился в мрачное место притяжения. И, к сожалению, не интерес к знаменитым уроженцам города – Уильяму Матиасу Шоллю или Брюстеру Мартину Хигли – привлекает туристов. Путешественников манит место неизъяснимого ужаса – отвратительная «ферма смерти» госпожи Ганнесс, прозванной Леди Синяя Борода.

Часть 1
Белла

Глава 1
Дочь поля

Чикаго, пострадавший от Великого пожара 1871 года, через несколько лет ожил, фениксом из известняка, камня и гранита восстал из пепла. К началу 1880-х годов, уже через десятилетие после катастрофы, словно «драгоценный камень среди прерий», засиял «самый американский из всех американских городов» – просторный, многолюдный «притягательный мегаполис», куда стремилось множество молодых людей и девушек из захолустных городков, деревень и ферм всего Среднего Запада[1].

Наряду с «искателями лучшей жизни» из провинции[2] в возрожденный Чикаго хлынули потоки иммигрантов – немцев и поляков, ирландцев и шотландцев, итальянцев и евреев. По данным одного известного историка, к 1890 году около 80 процентов населения составляли «выходцы из цивилизованных стран всего мира»[3].

Значительная доля переселенцев-иностранцев прибыла

из Норвегии. Они одними из первых основали колонию в этой местности. Чикаго тогда представлял собой лишь кучку бревенчатых домов на болотистых берегах озера Мичиган, где зловонная грязь просачивалась сквозь деревянные настилы тротуаров, а в трясине немощеных дорог на несколько дней застревали утонувшие по ступицу повозки[4]. В 1850 году в Чикаго проживало 562 выходца из Норвегии. После немцев и ирландцев они были третьей по величине группой иммигрантов. Десять лет спустя количество норвежцев возросло втрое, а к 1870 году превысило восемь тысяч человек[5].

Подобно другим скандинавским переселенцам, норвежцы слыли скромными, трудолюбивыми и честными людьми, укреплявшими нравственность в городском сообществе. Один автор в те дни писал в газетной передовице: «Это наши самые лучшие сограждане, и мы от всей души приветствуем их на земле “свободы, равенства и братства”»[6]. О природной честности и добросовестности норвежских переселенцев свидетельствовало также повествование о маленьком Кнуде Айверсоне, пересказанное историком А. Т. Андреасом, жившим на рубеже веков. Во вторник, 3 августа 1856 года, десятилетний Кнуд шел к реке купаться. По дороге его остановила группа подростков. Они пытались заставить мальчика забраться в сад некоего Элстона и «добыть фрукты для старших». Когда же Кнуд воспротивился, сказав, что «красть нехорошо», хулиганы утопили его в реке. Об этом

происшествии сообщили газеты по всей стране, и трагедия побудила знаменитого Ф. Т. Барнума внести двести долларов на строительство памятника «бессмертному ребенку». В присущей ему манере шоумен заявил, что необходимо воздвигнуть «вечный мемориал», который «превратится в Мекку, куда со всех концов великого континента потянутся паломники со своими отпрысками. Так потрясенные жестоким убийством маленького мученика дети усвоят, что “лучше умереть, чем украсть!”»[7].

Норвежцы могли гордиться и другими членами своего этнического сообщества, людьми чрезвычайно предприимчивыми и честолюбивыми, которые, казалось, представляли живое воплощение американской мечты. Одним из самых знаменитых был Ивер Лоусон. Вкладывая каждый заработанный грош в участки пустующей городской земли, он прошел путь от поденного работника до миллионера, сделал блестящую политическую карьеру, став членом городского совета и законодательного собрания штата. А главное, что импонировало его согражданам, помог организовать первую норвежскую евангелическо-лютеранскую церковь и Общество помощи скандинавским мигрантам[8]. Другим примером человека, добившегося успеха собственным трудом, был Кристиан Эвне. Он приехал в Соединенные Штаты в двадцать пять лет, днем работал в магазине, а по вечерам ходил в школу, где изучал английский и бухгалтерию. С трудом накопив двести долларов, Кристиан открыл собственное

дело и превратил его в «самый большой магазин оптовой и розничной торговли продовольствием в Чикаго», импортируя «чай из Китая и Цейлона, вина из Европы. Кофе в магазин поставляли Суматра и Аравия». Из Норвегии, Швеции и Дании Эвне завозил сыры, рыбу, консервы и можжевеловую водку[9]. Стоит упомянуть также Джона Андерсона, прибывшего в Новый Свет в возрасте девяти лет. Он начал зарабатывать на жизнь разносчиком газет, а со временем вместе с Ивером Лоусоном основал в США самую популярную и влиятельную газету на норвежском языке – «Скандинавен». Это издание играло столь важную роль в жизни американцев норвежского происхождения, что король Оскар II посвятил одного из его издателей – Лоусона – в рыцари[10].

Успешно вписываясь в новую американскую жизнь, члены чикагской норвежской общины чтили свое этническое наследие. 17 мая они всегда отмечали День независимости Норвегии. На улицах Чикаго широко праздновалось тысячелетие объединения норвежских земель королем викингов Харальдом Прекрасноволосым, а в июле 1875 года тысячи людей приняли участие в концерте на открытом воздухе по случаю пятидесятилетия прибытия парусника «Ресторейшен» – так называемого норвежского «Мэйфлауэра», – доставившего в Соединенные Штаты первых иммигрантов из скандинавского порта Ставенгер. Одним из ярких событий Всемирной выставки 1893 года в Чикаго, посвященной четырехсотлетию открытия Нового Света, было появление

копии драккара «Викинг» – корабля, на котором когда-то совершил свое историческое плавание Лейф Эрикссон. Под предводительством капитана Магнуса Андерсена бесстрашная команда воссозданного «Викинга» пересекла Атлантику, наполнив гордостью сердца норвежцев по всей Америке[11].

В год проведения Всемирной выставки быстрорастущее норвежское население Чикаго перевалило за двадцать тысяч и стало «третьим по численности в мире после Осло и Бергена». Самые богатые – доктора, юристы, бизнесмены, банкиры – селились в окрестностях Уикер-Парк такой тесной этнической группой, что между собой они называли этот район «Хомансбен» – в честь одного из самых дорогих жилых кварталов Осло[12]. Менее влиятельные норвежцы – механики, владельцы лавок, квалифицированные рабочие, ремесленники – жили вблизи Гумбольдт-парк и Логан-сквер[13]. Преступления в этих районах случались очень редко. Официальные отчеты чикагского департамента полиции показывают, что между 1880 и 1890 годами только 1 процент арестов приходился на долю норвежского населения. При этом причины задержаний – пьянство или нарушение общественного порядка – были малозначительны. Как пишет один историк, такая «безупречная статистика» является блестящим доказательством самой впечатляющей особенности норвежцев – их «приверженности закону и порядку»[14].

В 1881 году большая, не спадавшая до конца десятилетия волна миграции из Норвегии вынесла на американский берег более двадцати тысяч переселенцев. Среди них была и двадцатидвухлетняя женщина из местечка Сельбу, расположенного в окрестностях Тронхейма. На самой известной ее фотографии мы видим мрачную пожилую женщину, смотрящую в объектив злобным взглядом. Справедливости ради надо признать, что снимок относится к более позднему времени, когда она уже обосновалась в Америке и достигла среднего возраста. Но даже в двадцать лет, как свидетельствует более раннее фото, она – с большой головой, маленькими глазками, широким носом и толстогубым ртом, что сразу же напоминал лягушачий, стоило ей нахмуриться или заскучать – была очень некрасивой. При крещении она получила имя Брунгильда Польсдаттер – Брунгильда, дочь Поля. По обычаю, к имени добавлялось название фермы, на которой жила и работала семья, так что по-норвежски полное имя звучало как Брунгильда Польсдаттер Сторшетт. О ее молодости – что неудивительно – почти ничего не известно. Кроме нескольких официальных документов – церковных записей, переписных листов и т. п., с трудом добытых более поздними историками, сведений о Брунгильде Польсдаттер практически нет. Родилась 11 ноября 1859 года, выросла в Ингбья, в одной из нескольких деревушек района Сельбу. Отец – уроженец этих мест Поль Педерсен Сторшетт – был одним из самых бедных членов общины. Он арендо-

вал на ферме небольшой участок земли, где держал несколько коров, овец, коз и выращивал ячмень, овес и картошку, которых едва хватало, чтобы спасти от голода жену Берит и семерых детей[15]. Зимой, чтобы как-то свести концы с концами, Поль работал каменщиком. И все равно его положение временами было таким бедственным, что, по крайней мере, однажды он был вынужден обратиться за помощью, и ему выдали десять крон из городской казны[16].

Как и у других крестьянских детей, у Брунгильды с ранних лет было много работы по дому. Она доила коров и коз, сбивала масло, носила воду, присматривала за животными. Следила, чтобы они не убегали, или, что еще хуже, не подвергались нападению ужасного духа гор, который, уменьшив корову до размера мыши, мог утащить скотину в таинственное подземное царство[17]. У семьи не было денег на покупку дров для очага, и Брунгильду каждый день посылали собирать хворост, который обычно использовался только для растопки. По-норвежски хворост это Snurkvist, поэтому среди не слишком милосердных соседей девочка получила прозвище Snurkvistpåla, что в целом переводится как «хворостина, дочь Поля»[18].

В июне 1874 года в возрасте четырнадцати лет она прошла конфирмацию в евангелическо-лютеранской церкви. Духовный наставник Брунгильды – пастор Агатон Ханстен характеризовал ее как «прилежную ученицу, достигшую такого

успеха в религиозном образовании», который «оказался по силам только половине девочек». В том же году девушка нанялась дояркой к соседу по имени Родде, который описывал ее как «работящую и добропорядочную во всех отношениях»[19].

После целого дня работы в поле она часто, сидя у очага, вязала варежки, шапки и другие вещи с традиционным «звездчатым» жаккардовым рисунком, которым славился район Сельбу. В такие вечера кто-нибудь из членов семьи развлекал домочадцев волшебными сказками о находчивых крестьянских парнях, бравших в жены капризных принцесс; о троллях-гигантах с неутолимой жаждой человеческой плоти и крови; о хульдрах – зловещих сиреноподобных красавицах с длинными коровьими хвостами. Эти мифические создания завлекали мужчин и не отпускали их до самой смерти[20].

Но не все соседи придерживались о Брунгильде такого же высокого мнения, как ее работодатель и пастор. Местная газета «Сельбыгген» писала: «Здесь, в Сельбу, многим она запомнилась как неприятная, капризная и очень злая. Разговаривала она мало, но всегда была готова на грязную уловку и с самого детства слыла обманщицей. Когда девочка выросла, земляки ее тоже не уважали и причисляли к отбросам общества»[21].

Рассказывали, что в семнадцать девушка забеременела от

сына одного богатого землевладельца, который не собирался жениться. Он завлек ее в уединенное место и жестоко избил, после чего у нее случился выкидыш. Согласно отчету, ее обидчик вскоре умер от желудочно-кишечного заболевания, симптомы которого подозрительно напоминали отравление мышьяком[22].

Однако существует достаточно оснований, чтобы сомневаться в правдивости данной истории, так как никаких документальных доказательств не существует. Отрицательные характеристики соседей не внушают доверия, так как были даны Брунгильде через много лет после ее отъезда и, без сомнения, окрашены последующими событиями. К тому моменту, как появилась передовица в газете «Сельбыгген», юная молочница из Сельбу превратилась в злое нечто, подобное сказочной хульдре, «в женщину», как сказал один историк, «чья жестокость приравнивала ее к мифическим существам норвежского фольклора»[23].

Глава 2
Прибытие в Америку

Норвежские эмигранты, перебравшиеся в Новый Свет в последние десятилетия девятнадцатого века, оставили многочисленные воспоминания о трудном пути в Америку. Для многих, как и для Брунгильды Польсдаттер Сторшетт, он начался в Тронхейме, откуда переселенцы добирались до английского портового города Халл, где грузились на пароход «Тассо». Во время четырехдневного плавания по Северному морю большинство пассажиров ютилось в трюме. В тесноте, не снимая одежды, они сидели или лежали на узких деревянных полках, служивших койками. Даже в хорошую погоду судно готово было перевернуться на волнах, и, как свидетельствует множество писем и газетных публикаций, не только обычные пассажиры, но и бывалые путешественники страдали от морской болезни и смрадного запаха рвоты.

Тем, кто мог в этих условиях думать о еде, в течение трех дней предлагалось питание. Хотя рекламные брошюры расхваливали меню, но рассказ одного из пассажиров свидетельствовал о другом:

> На завтрак каждый день давали сладкий чай без молока и сухое печенье. На ужин тоже. Было еще масло, но совсем прогорклое. На обед готовили мясной суп, но он был безвкусным, а мясо – соленым, как селедка.

Однажды дали соленую рыбу с каплей супа, но все такое несъедобное, что многие просто выбросили свои порции в море.

Гальюны на верхней палубе были особенно ужасны: «маленькие, тесные, темные и без воды», как писал один очевидец, «мужские и женские кабины располагались рядом, двери не защищали от непогоды. В целом более зловонного и неприятного места невозможно даже представить»[1].

На пристани в Халле эмигрантов распределяли по пансионам, где, получив скудный обед – суп и хлеб с маслом, путешественники ждали багаж. Потом их отправляли на станцию Северо-восточной железнодорожной компании, сажали на поезд до Ливерпуля, откуда эмигранты отплывали в Америку.

В конце 1880-х годов пересечение Атлантики для пассажиров третьего класса значительно облегчилось. В рекламе новых пароходов межпалубное пространство описывалось «как высокое, светлое и просторное», с «отдельными каютами для семейных путешественников, а также для неженатых мужчин и незамужних женщин»; «специально нанятая команда» поддерживает там «чистоту и порядок», а «стюарды обслуживают пассажиров», предлагая «свежую, разнообразную и прекрасно приготовленную пищу». На самом же деле все выглядело несколько иначе. Не слишком аппетитная еда (один пассажир вспоминал, что предложенный ему кусок свинины, по-видимому, «однажды уже пересек Атлан-

тику»), отвратительные туалеты и мерзкие палубы, несмотря на предполагаемое внимание команды уборщиков, все в жутком месиве из-за повальной морской болезни. И все-таки простое сокращение времени в пути делало пересечение Атлантики не таким трудным делом, как раньше. Если некоторые парусные суда – шлюпы, шхуны, бриги, барки и клиперы – плыли иногда больше двух месяцев, новые пассажирские корабли – «Тингвала», «Гекла» и «Гейзер» могли пересечь океан меньше чем за десять дней[2].

Большинство пароходов причаливали в Квебеке, Бостоне и Нью-Йорке, откуда на лодках, повозках или по железной дороге норвежские переселенцы добирались до Миннесоты, Иллинойса, Висконсина и Дакоты. Большинство иммигрантов селились на земле, в небольших фермерских общинах, другие выбирали этнические анклавы в городах – Сиэтле, Миннеаполисе или, как в случае Брунгильды Сторшетт, – Чикаго.

За несколько лет до описываемых событий перебралась в Америку Олина Сторшетт, которая была на десять лет старше Брунгильды. Обосновавшись в Чикаго, Олина познакомилась с Джоном Ларсоном и вышла за него замуж. Именно Нелли – так теперь называла себя миссис Ларсон – пригласила сестру к себе и оплатила ее переезд в Новый Свет. Поселившись у Ларсонов, Брунгильда по примеру Олины и множества других иммигрантов взяла американское имя: Белла Петерсон[3].

Когда Белла вступила в новую жизнь, большинство незамужних скандинавских женщин, живущих в Чикаго, стремились найти работу по дому, а не на фабрике. Один известный историк писал: «В 1880 году три четверти работающих норвежских женщин нанимались служанками, экономками или прачками»[4]. Белла Петерсон тоже стирала, шила, убирала за мизерную плату, а весь заработок отдавала Ларсонам за стол и кров.

Для бывшей деревенской девушки в этой работе не было ничего нового. Белла и раньше, в полном лишений детстве, выполняла те же обязанности. Но не для того она прибыла в Америку, чтобы батрачить всю оставшуюся жизнь. Вокруг было много богатых людей, и стоило только прогуляться по торговым улицам Чикаго времен «позолоченного века», чтобы оказаться в мире дорогих и красивых вещей, выставленных на продажу. В классическом романе Теодора Драйзера «Сестра Керри» автор тоже описывает молодую провинциалку, попавшую в Чикаго. Когда его героиня бродила по одному из великолепных «дворцов потребления» – магазину в центре города, она испытала сильнейшее чувство зависти:

> Керри медленно шла по заполненным покупателями проходам, пораженная необыкновенной выставкой безделушек, драгоценностей, одежды, письменных принадлежностей. Каждый новый прилавок открывал перед нею ослепительное и заманчивое зрелище. Как ни трудно ей было устоять против манящей силы

> каждой безделушки и каждой драгоценности, все же она не позволила себе задержаться нигде. Все здесь было нужно ей, все ей хотелось иметь. Очаровательные туфельки, чулки, изящные плиссированные юбки, кружева, ленты, гребенки, кошелечки – каждый предмет внушал желание обладать им, и Керри с особой остротой сознавала, что ни один из них ей не по средствам[51].

Желание, подобное тому, что снедало Керри Мибер, с непреодолимой силой охватило и Беллу Петерсон. Познав лишения в юности, она стремилась стать богатой. «Моя сестра помешалась на деньгах, – свидетельствовала позже Нелли Ларсон, – ради них она была готова на все»[6]. Белла не делала тайны из мотивов и причин своего замужества. По словам Нелли, ее младшую сестру «никогда не интересовал мужчина сам по себе, только богатство и роскошь, которую он мог ей предоставить». Много лет спустя, вспоминая о первом муже – любящем мужчине и добром отце, Белла говорила, что вышла за него, так как он обеспечил ей жизнь в «хорошем доме»[7].

Его звали Мэдс Дитлев Энтон Соренсон. На единственной сохранившейся фотографии мы видим крепко сбитого лысеющего мужчину. Лицо с ярко выраженными нордическими чертами украшают закрученные по моде тех дней усы. Он

---

[1] Т. Драйзер. Сестра Керри. Перевод Марка Волосова. – *Здесь и далее примеч. пер.*

был на пять лет старше Беллы и, в числе других восьмисот служащих, работал ночным сторожем в универсальном магазине «Мандел бразерс» на углу Стейт и Мэдисон-стрит[8].

Бракосочетание состоялось в марте 1884-го в евангелическо-лютеранской церкви «Вифания» на углу Гранд-авеню и Карпентер-стрит. Вел церемонию преподобный Джон Торгерсен – авторитетная фигура среди норвежского населения. Ко дню своей смерти в 1905 году он провел более пятнадцати тысяч свадебных обрядов, за что получил прозвище Помощник Купидона[9]. На свадебной фотографии в гордой позе – двадцатичетырехлетняя Белла. Положив левую руку поверх правой, она выставила напоказ массивное обручальное кольцо. На новобрачной нарядное черное платье из «тафты или шелкового муслина, с кружевными оборками и тремя нитками жемчуга вокруг шеи»[10].

История не сохранила никаких сведений о первом десятилетии семейной жизни Соренсонов. И все-таки из нескольких документально подтвержденных фактов можно сделать кое-какие выводы.

По мнению большинства, у Беллы был сильный материнский инстинкт. «Она очень любила детей, – вспоминала Нелли. – О ее доброте знали почти в каждой норвежской воскресной школе Чикаго». Госпожу Соренсон особенно трогало бедственное положение сирот и брошенных детей. Она часто бывала на детских пикниках в Гумбольдт-парке, где

обычно забиралась на сцену и предлагала позаботиться о тех, «кому нужна крыша над головой»[11].

На самом деле это страстное желание заботиться о ребенке привело Беллу к разрыву с сестрой. Первые пять лет брака у Соренсонов не было детей, и все материнские чувства Белла изливала на четырехлетнюю племянницу Ольгу – младшую дочь Нелли. Позже она рассказала: «Ольга была необыкновенно хорошенькой девочкой, и моя сестра требовала, чтобы я отдала ей ребенка на воспитание». Хотя девочке разрешили погостить у тетки довольно долго – до шести недель, вполне понятно, что миссис Ларсон отказалась отдать свою дочь сестре, и с того дня Белла с ней «практически не разговаривала»[12].

В 1891 году Белла Соренсон осуществила свою мечту и взяла на воспитание девочку по имени Дженни. Белла и Мэдс поддерживали дружеские отношения с жившей по соседству супружеской парой Олсонов. Энтон Олсон – отец малышки – позже объяснил, как это случилось: «Когда Дженни было восемь месяцев, ее мать смертельно заболела. Миссис Соренсон умоляла умирающую женщину завещать ребенка ей. Моя жена сама передала малышку на руки Белле и взяла с нее клятву, что та будет заботиться о младенце, оберегать и растить как своего родного ребенка. Белла обещала, сказав, что эта клятва для нее священна. Вскоре моя жена умерла. После того как Белла забрала девочку, я часто с ней виделся. Белла приводила Дженни ко мне, она всегда была нарядно

одета и выглядела счастливой»[13].

Несколько лет спустя, когда Олсон опять женился, он попытался вернуть себе право на опеку, но миссис Соренсон выиграла дело в суде, и ребенок остался с ней[14].

Хотя Мэдс никогда не зарабатывал больше пятнадцати долларов в неделю (по современным меркам это примерно 450 долларов), к 1894 году Соренсонам как-то удалось накопить денег и купить небольшой кондитерский магазин в двухэтажном деревянном доме на углу Гранд-авеню и Эдвард-стрит. В лавке, занимавшей первый этаж, наряду с популярными сладостями продавали, как видно из газетной фотографии, сигары и табак, газеты и журналы, письменные принадлежности и продукты первой необходимости[15]. Несмотря на удачное расположение, магазин прибыли не приносил, и Белла с нарастающим ужасом видела, как таяли с трудом накопленные деньги.

Меньше чем через год после покупки лавка Соренсонов сгорела. Когда вспыхнул огонь, в магазине была только Белла и ее трехлетняя дочь Дженни. По сообщению «Чикаго трибюн», о пожаре стало известно от миссис Соренсон. Она выбежала с ребенком на улицу с криком «Горим!»[16]. Когда огонь удалось потушить, выяснилось, что интерьер был полностью уничтожен. Хотя Белла уверяла, что взорвалась «маленькая керосиновая лампа», представители страховой

компании, тщательно изучая пожарище, не обнаружили никаких «осколков стекла или других частей сломанной лампы». Невзирая на подозрение в поджоге, страховая компания выплатила Соренсонам все причитающиеся деньги. Вскоре Белла и Мэдс отказались от лавки, продав ее брату прежнего владельца[17].

Получив страховку, чета Соренсон переехала в Остин – благополучный район города, где селились «синие воротнички». На Альма-стрит пара купила трехэтажный дом с видом на залив[18]. В следующие два года – между 1896 и 1898 годами – у них появилось еще четверо детей: Каролина, Миртл, Аксель и Люси[19]. По сей день не установлено, удалось ли Белле, которой было далеко за тридцать, самой родить в столь короткий срок, или, что более вероятно, она усыновила сирот или брошенных детей (возможно, как показало расследование, ради денег)[20]. Одно не подлежит сомнению: Каролина и Аксель умерли вскоре после рождения, в пять и в три месяца соответственно. В то время младенческая смертность в США была очень высока – умирало примерно сто детей на тысячу новорожденных. Поэтому внезапная смерть двух младенцев, естественно, от энтероколита (острого воспаления кишечника) и гидроцефалии (водянки головного мозга) не вызвала никаких подозрений[21].

Мэдс, работая на Северо-западной железной дороге Чика-

го, приносил домой по двенадцать долларов в неделю, когда перед Соренсонами открылась новая блестящая перспектива.

Вечером 1 октября 1897 года, в пятницу, они посетили дом Ангуса Ральстона. Он представился агентом и главным инженером предприятия, известного как «Юкон майнинг энд трэйдинг компани». Ральстон объяснил, что корпорация, в которой «сосредоточены огромные средства, включая 3 500 000 долларов основных фондов и шахты в Нью-Мексико, имеет свои большие и далеко идущие планы на Аляску и районы Клондайка». Компания нанимает копателей, готовых, несмотря на суровые природные условия Аляски, заключить годовой контракт и получить шанс разбогатеть. По настоянию Беллы Мэдс подписал договор, который 27 октября в присутствии свидетелей был скреплен подписями и печатями.

По договору Мэдс соглашался «отправиться на Аляску в качестве служащего [компании], и в течение года, начиная с 1 апреля 1898 года, производить разведку золотоносных месторождений и, когда такое будет найдено, выполнять любую другую работу, которую поручит начальник экспедиции». По возвращении старатель не только получит «такую же зарплату, как и другие работники на том же месторождении», но и «четверть от прибыли со всех других мест добычи, которые он открыл», а также двести восемьдесят акций нанимающей компании. Еще, поскольку семья останется на

год без кормильца, компания обещала, «пока он находится на службе, выплачивать его жене Белле Соренсон тридцать пять долларов ежемесячно в счет заработной платы мужа»[22].

Белла, по мнению сестры, совсем не заботилась о Мэдсе и была рада отправить его на Аляску. Ослепленные обещаниями неслыханного богатства, супруги согласились также вложить значительную сумму из собственных средств, чтобы покрыть «годовые расходы» Мэдса. И в день подписания рабочего контракта, предоставив в качестве залога свою недвижимость на Альма-стрит, Соренсоны скрепили подписями дополнительное соглашение о выплате семисот долларов (на сегодняшний день это больше двадцати тысяч).

Что случилось потом, можно проследить из судебного иска четы Соренсон к «Юкон майнинг энд трэйдинг компани». В нем говорится: «В соответствии с договором», Соренсон «с большими трудностями и лишениями сделал необходимые для экспедиции приготовления и в первых числах апреля 1898 года прибыл в указанную корпорацию, проинформировав управляющих о готовности выполнить все условия контракта и отправиться на Аляску». По прошествии двух месяцев, не получив дальнейших распоряжений от корпорации, Белла и Мэдс заподозрили неладное. Они обратились к адвокату, который, «потребовав изучения бухгалтерской отчетности указанной корпорации», подтвердил худшие опасения супругов.

На самом деле, несмотря на декларации, «Юкон майнинг

энд трэйдинг компани» никакой золотодобычей не занималась, и на счету корпорации не было никаких финансовых ресурсов. Как указывалось в иске, поданном Соренсонами в июне 1898 года,

> названная корпорация не владела и не владеет никакими рудниками ни в Нью-Мексико, ни на Аляске, ни в каком-либо другом месте. Не обладая абсолютно никакими ресурсами, [компания] выпустила большие пакеты акций, а именно: пятьсот двадцать пять тысяч паев. Управляющие [компании] не имеют никаких средств и не несут никакой финансовой ответственности. [Компания] была сформирована с единственной целью – обмануть неискушенных инвесторов – и не собиралась выполнять условия своих контрактов… В настоящий момент она не ведет никакой деятельности и признана банкротом, так как не способна выплачивать долги или продолжать бизнес.

Подобно другим, мечтающим разбогатеть в одночасье на деле, в котором не разбираются, семья Соренсон пала жертвой обмана. Их долги и закладная на дом были проданы Эмануэлю Хогенсону, владельцу агентства недвижимости, за пятьсот долларов[23]. Когда через два года долговые бумаги предъявили к исполнению, Белле и Мэдсу, чтобы не потерять дом, требовалось выплатить семьсот долларов плюс проценты.

Платить Соренсонам не пришлось: они выиграли судебное дело. И все-таки мечта о быстром обогащении разбилась

в пух и прах[24]. Мэдс вернулся на место сторожа в магазине «Мандел бразерс», и Белле предстояло до конца дней оставаться женой низкооплачиваемого рабочего. Правда, последовавшие вскоре события показали: у нее были другие планы.

Десятого апреля 1900 года дом Соренсонов на Альма-стрит сгорел. Как сообщалось, возгорание произошло от «неисправного нагревательного оборудования». Пожарные прибыли вовремя, дом удалось спасти, но Белла и Мэдс заявили об утрате «домашнего имущества» примерно на 650 долларов. К счастью, как писала газета «Чикаго трибюн», «все уничтоженное имущество оказалось застрахованным», и паре выплатили значительную компенсацию[25].

Но Белле этого показалось мало. Когда произошел пожар, Мэдс состоял в ассоциации взаимопомощи, и его жизнь была застрахована на 2000 долларов. В понедельник, 30 июля 1900 года, когда страховка заканчивалась, Мэдс решил заключить новый договор уже на 3000 долларов.

В тот же понедельник, днем, доктор Дж. С. Миллер – молодой врач, снимавший когда-то у Соренсонов жилье, получил срочный вызов от Беллы. Поспешив на Альма-стрит, он обнаружил, что Мэдс, полностью одетый, лежит на постели без признаков жизни. К этому времени прибыл и семейный врач Соренсонов – Чарльз Е. Джонс. Расспросив Беллу, врачи выяснили, что ее муж был сильно простужен и, придя утром с дежурства, пожаловался на «страшный кашель».

Она дала больному порошок хинина и вышла на кухню приготовить детям обед. Позже, поднявшись проверить, как себя чувствует Мэдс, она увидела, что он мертв.

Предположив, что аптекарь «ошибся и продал морфий вместо хинина», Миллер попросил показать упаковку от порошка, но Белла ответила, что обертку уже выбросила. Не имея никаких доказательств, кроме тех симптомов, о которых сообщила госпожа Соренсон, оба доктора сошлись во мнении, что Мэдс умер от кровоизлияния в мозг[26].

Что касается Беллы, то она оказалась единственным бенефициаром по двум страховкам мужа. Трудно было подобрать более удачный момент для его внезапной смерти. «Если бы он умер на день раньше, – объясняла одна из газет, – его жена получила бы по полису 2000 долларов, а днем позже ей причитались бы только 3000 долларов по второму полису. Но именно в тот день, когда скончался Соренсон, действовали оба полиса на общую сумму 5000 долларов». Если переводить на современные деньги, вдова Соренсон стала богаче на 150 000 долларов[27].

Тремя днями позже, утром в четверг, 2 августа 1900 года, Мэдс Дитлев Энтон Соренсон обрел вечный покой рядом с двумя своими детьми на кладбище Форест-Хоум. Старшая сестра вдовы тоже присутствовала на похоронах. Неизвестно, что там произошло между сестрами, но, по свидетельству Нелли, ее вдруг поразило страшное предчувствие. Ей стало так плохо, что, «охваченная дрожью, она с трудом смогла

удержаться на ногах». Только через восемь лет Нелли поймет, отчего в тот день едва не лишилась чувств[28].

Глава 3
Мясорубка

Дом на Маккланг-роуд на окраине Ла-Порта местные жители называли «домом Мэтти Элтик». Он славился непростой историей. Джон Уолкер, один из отцов-основателей Ла-Порта и первый владелец этого земельного участка, в 1846 году возвел на нем величественный дом для дочери Харриет и ее мужа Джона У. Холкомба. Почти через два десятка лет – в 1864-м – Холкомбам, симпатизировавшим южанам, пришлось уехать из Ла-Порта навсегда. Они стали изгоями в округе, пославшем две с половиной тысячи мужчин сражаться на стороне Союза[1].

Сообщалось, что вскоре после бегства хозяев дом был продан некоему Б. Р. Кару, местному торговцу дровами и углем. Его сын, Г. Кар, стал предводителем шайки бандитов, которая «терроризировала эту часть Индианы». Когда кольцо вокруг банды начало сжиматься, младший Кар подался на запад, в Денвер, где был случайно застрелен при попытке ограбления банка. Вскоре после того как тело младшего Кара доставили домой, отец продал недвижимость и, оставив кучу неоплаченных долгов, исчез из Ла-Порта[2]. Затем дом переходил из рук в руки, по общему мнению, еще более злосчастных владельцев. Среди них были два брата, «умершие

так внезапно, что пришлось вызывать коронера», и фермер, повесившийся в спальне на втором этаже. В 1892 году там поселилась Мэтти Элтик, «одна из самых печально известных женщин северной Индианы»[3].

Внешность Мэтти – яркой и статной – соответствовала тогдашнему идеалу женской красоты, создателем которого был иллюстратор Чарльз Гибсон. Мадам Элтик перебралась из большого города, за покупками всегда выходила в шляпе с немыслимыми перьями. Мэтти открыла в Ла-Порте самый лучший в округе бордель с мраморной барной стойкой в «зале увеселений», каретным двором и модным, покрытым балдахином экипажем. На нем привозили со станции клиентов, прибывавших из Чикаго. Через несколько лет Мэтти внезапно скончалась. Официально причиной смерти признали болезнь сердца, но ходили слухи, что женщина то ли покончила с собой, когда ее бросил любовник, то ли была отравлена собственной сестрой и конкуренткой – Евой Рупперт, которая тоже содержала в Саут-Бенд, как выражались газеты, «место отдыха»[4].

Несмотря на «ужасную репутацию» дома, в покупателях недостатка не было[5]. Через восемь лет после закрытия борделя, поменяв нескольких хозяев, строение перешло в руки женщины, чья дурная слава затмит всех предыдущих владельцев, а Мэтти Элтик, по сравнению с новой хозяйкой, покажется весьма уважаемой школьной учительницей со Сред-

него Запада.

Как точно Белла Соренсон узнала о продаже этого дома, неизвестно. Вскоре после смерти мужа она побывала в городке Фергус-Фолс в Миннесоте, на ферме у какого-то родственника, и тоже загорелась желанием обзавестись собственным хозяйством. Вернувшись в Чикаго, она, как пишут историки, в поисках подходящей недвижимости дала объявление в газете «Трибюн». Оно попалось на глаза тогдашнему владельцу «дома Мэтти Элтик», который связался с Беллой. В ноябре 1901 года, продав дом на Альма-стрит, Белла Соренсон с тремя детьми (Дженни, Миртл и Люси) перебрались в Ла-Порт.

Новым соседям она стала известна под другим именем. Хотя в частной переписке она продолжала подписываться как «Белла», но представлялась более простым и привычным для американцев именем «Белль» и через несколько месяцев после переезда сменила фамилию.

Еще в первое десятилетие их брака с Мэдсом они держали жильца – Питера Ганнесса. Уцелевшие фотографии Питера подтверждают образ, нарисованный одним писателем: «красивый блондин с голубыми глазами, светлой бородкой и усами – настоящий викинг»[6]. Этот эмигрант из Осло прибыл в Америку в 1885 году и поселился с братом Густом в Миннеаполисе, а в год Всемирной выставки (1893) переехал в Чикаго и, работая на скотных дворах, арендовал жилье у Соренсонов. Потом, после короткого посещения Норвегии,

он вернулся в Миннеаполис, где в июне 1895 года женился на Дженни Софии Симпсон. Пара поселилась в доме на Хеннепин-стрит, Питер нашел работу «приказчика в продовольственном магазине». В 1897 году у четы родился первенец – девочка Сванхильд. А четыре года спустя, во время родов второй дочери, Дженни Ганнесс умерла[7].

Вскоре после смерти мужа побывав у кузины в Миннесоте, вдова Соренсон взяла в привычку наезжать в Миннеаполис и восстановила знакомство с красивым и ставшим неожиданно свободным бывшим квартирантом. Годы не добавили Белль привлекательности. Вдову и раньше нельзя было назвать красивой, а с возрастом ее мужеподобная фигура еще больше отяжелела. По словам одного из современников, Белль выглядела «грузной, большеголовой женщиной с грубыми чертами лица, маленькими глазами, копной волос неопределенного цвета, огромными руками и непропорционально маленькими ступнями»[8]. Только усадьба – сорок восемь акров земли в Индиане – могла объяснить, почему Белль не испытывала недостатка в женихах, даже таких красивых, как Питер Ганнесс. 1 апреля 1902 года эта пара совсем не подходящих друг другу людей обвенчалась в Первой баптистской церкви Ла-Порта. Церемонию вел преподобный Джордж С. Мур.

Через пять дней после бракосочетания умерла семимесячная дочь Питера. Официальной причиной смерти указали «отек легких». Тело девочки отвезли в Чикаго и похо-

ронили на кладбище Форест-Хоум, рядом с двумя другими детьми, умершими в семье Белль[9]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.